

ИЗЪ ИСТОРИИ РУССКАГО РАСКОЛА:

ДІАКОНЪ ФЕОДОРЪ,

ЕГО СОЧИНЕНІЯ И УЧЕНІЕ.

Федоръ Ивановъ, одинъ изъ первыхъ расколоучителей, былъ «Благовѣщенскаго собора царствующаго града Москвы діаконъ» (1). За свою ученость Федоръ сдѣланъ былъ при патриархѣ Іосифѣ справщикомъ книгъ въ Москвѣ и вмѣстѣ съ другими при патриархѣ Николѣ отставленъ отъ печатнаго дѣла. Положительно не извѣстно, оказывалъ ли онъ явное

(1) Допол. къ акт. ист. т. V. стр. 451; «послание отъ заточенія страдальца священнодіакона Феодора московскаго Благовѣщенскаго верховнаго краснаго крыльца»,—такъ подписывается одно изъ его посланій (Сборн. соч. Фед. л. 145). Но Денисовъ въ *Виноградѣ* (въ статьѣ о Федорѣ) почему-то называетъ его діакономъ Успенскаго собора.

сопротивленіе преобразованиямъ Никона и былъ ли наказанъ какъ нибудь вмѣстѣ съ другими (1); можно только предполагать, что, во время первыхъ волненій со стороны расколотыхъ учителей, онъ держался довольно умеренно въ сравненіи съ другими и не обнаруживалъ рѣшительнаго сопротивленія Церкви (2). Но нельзя

(1) Бодянской въ предисловіи къ грамматикѣ Юрія Крыжаннича (Чтен. общ. ист. и древ. рос. г. 4-й. кв. 1 стр. XI) несправедливо думаетъ, что Юрій въ 1661 г. былъ сосланъ въ Сибирь съ Ѳеодоромъ діакономъ. Ни самъ Ѳеодоръ, ни кто другой нигдѣ не говорятъ, чтобы его сослали когда нибудь въ Сибирь или въ другое мѣсто до 1666. Притомъ Юрій замѣчаетъ, что спутникъ его въ Сибирь Ѳеодоръ былъ «не имѣющіи еще вуса на чубахъ» (стр. XVII) и называетъ его подъякомъ. Слѣдовательно это былъ не діакономъ Ѳеодоръ, а «Лазарю способникъ и едпномышленникъ, бывшій подъякъ патріаршіи Ѳеодоръ», который «анаемѣ предадеся и заточенъ въ острогъ Нустоезерскій, но послѣжде покался пріять разрѣшеніе» (Доп. къ акт. ист. т. V. стр. 457), а Юрій переведенъ въ Тобольскъ.

(2) Такъ думать заставляютъ: 1) извѣстное ругательное посланіе къ нему прот. Аввакума (Роз. ч. 1. гл. 25) и его же замѣчаніе о Ѳеодорѣ въ «книжѣ шюкинѣ Ѳеодорѣ»; 2) то, что соборъ 1666 застаётъ его діакономъ въ Москвѣ, чего не могло бы случиться, если бы онъ оказывалъ прямое неповиновеніе Церкви.

сомнѣваться, что онъ тайно велъ переписку съ другими расколоучителями, имѣлъ сношенія съ остававшимися въ Москвѣ, и подобно другимъ, «новые законы и уставы обличая, народы учаще новинамъ не прилагатися, но древняго благочестія предѣлы держати» (1), до тѣхъ поръ, пока не окрѣпъ въ своемъ заблужденіи и не былъ обличенъ, какъ явный расколоучитель. «Во 174 году (1666) прислалъ царь дьяка своего крестоваго Никиту Казанца съ воины декабря мѣсяца въ 9-й день и повелъ у него въ дому взяти книги и письма вся. И взяша и его отвезоша во дворъ архіереовъ глаголемаго она Павла Крутицкаго съ книгами келейными, а письма его домовыя и выписки изъ книгъ всякія и ставленую грамоту отнесоша въ верхъ къ царю къ тайнымъ дѣламъ» (2). Царь Алек-

(1) *Виноградъ росс.* въ статьѣ о Ѳеодорѣ. Ѳеодоръ пишетъ о Спиридонѣ Потемкинѣ, который и умеръ въ расколѣ: «Спиридонъ отецъ глаголаше намъ духомъ сице: братіе, не будетъ у нихъ собора, дондеже Спиридонъ живъ; егда же изволитъ Богъ скончатися ми, и по смерти моей въ той же мѣсяцъ воскипятъ у нихъ соборъ скоро» (л. 113 и об.). Въ житіи Корнилія разсказывается, что еще при жизни Спиридона Ѳеодоръ вмѣстѣ съ нимъ и другими расколоучителями «совѣтъ творилъ о никоніанскомъ еретическомъ крещеніи».

(2) Это и слѣдующія сказанія о Ѳеодорѣ мы извлекаемъ изъ сборника сочиненій его. ркп. л. 113—120.

свѣй Михайловичъ повелѣлъ въ то время собраться архіереямъ въ Москву, а Ѳедору «между съѣздомъ ихъ многія поставки быша, и распросы, и ласканія, и уговоры отъ Павла того митрополита, по приказу цареву, во дворѣ его и въ соборной церкви и въ патриаршей крестовой, еже бы онъ приложился къ соборнищу ихъ и принялъ бы вся новыя книги и пичего въ нихъ не хулилъ. И мнѣ не хотѣся, говоритъ Ѳедоръ, послѣдовати тако отступленію ихъ». Съ архіереями, приходившими къ митрополиту и увѣщавшими Ѳедора, онъ вступалъ въ жаркія прѣпія и доказывалъ, что всѣ предшественники ихъ—князья и цари, архіереи, священники и народъ, съ старыми книгами, и всѣ службы церковныя были православны, и удивлялся, какъ архіерей, соглашаясь съ нимъ въ этомъ, въ тоже время могли защищать новыя книги. Приходили увѣщевать его къ обращенію отъ раскола и родственники; такъ однажды дядя его священникъ Иванъ, служившій «у царя въ верху у церкви преподобномученицы Евдокіи», пришелъ къ нему въ патриаршій приказъ «и съ теткою, старѣйшею сестрою матери его, увѣщеваху его со слезами, дабы повинулся великому царю, и сказа ему онъ стрый: . «хотятъ, рече, тебѣ проклинати и на родъ нашъ безчестіе наведеши»; но Ѳедоръ ожесточился и отвѣчалъ имъ: «не стужайте ми,

молю вы, азъ ихъ бѣсовскія клятвы не боюся и вамъ не будетъ безчестіе за то, но похвала вѣчная». Пять недѣль прожилъ діаконъ Ѳеодоръ у митрополита Крутицкаго, потомъ «въ соблюденіе отданъ былъ на Москвѣ въ Покровскій монастырь», но и оттуда «во градъ часто поемлемъ былъ» для увѣщаній. Плодомъ этихъ увѣщаній было то, что Ѳеодоръ «написалъ обличеніе благоревностное на никонова повшества и прошеніе молебное къ царю, дабы царскою властію повелѣлъ никонова отложити преданія, древнее отеческое неизмѣнно держати благочестіе» (1). Когда частныя увѣщанія не подѣйствовали на Ѳедора, его позвали на соборъ настырей въ маѣ 1666 года. Здѣсь онъ «отрыгнулъ слово злословное и ложное на святѣйшія патріархи греческія, злохульно нарече неправославныя быти: завеже, рече, во святомъ крещеніи обливаются, а не погружаются, еже ложь есть и неправда. Къ тому вопрошенъ бысть Ѳеодоръ отъ освященнаго собора о архіереехъ великороссійскія Церкви, имѣеть ли ихъ за православныя пастыри? и онъ даде отвѣтъ со усумнѣніемъ, рекъ сице: Богъ ихъ вѣсть. Вопрошенъ же бысть о винѣ сего усумнѣнія; и даде злохульную вину и кле-

(1) Виноградъ росс. въ стат. о Ѳеодорѣ.

ветную сію: яко вудятъ и учатъ противно догматомъ церковнымъ. Вопросень паки о святомъ символѣ благонсправленномъ: аще его держитъ? и онъ обхуди и похули символъ святой новоисправленный. Еще вопрошень о святомъ аллилуіа, по три краты чтомомъ съ приложеніемъ: слава тебѣ Боже, аще лобзаеть? и то онъ хульными укори словесы своими. На послѣдокъ вопросиша его архіереи о тріехъ перстовъ первыхъ согбеніи въ крестномъ знаменованіи, какъ онъ мудрствуетъ? онъ же отрыгнулъ отвѣтъ сицевъ: яко вся сія прелестию сатиноюю чрезъ Никопа суть развращенна. Тогда начаша его архіереи увѣщати со любовію, да приидеть въ чюство, и показаша ему, яко вся по предапію святыхъ отецъ благочестно исправшася: онъ же ни чесомуже внимаше, но во своемъ упорствѣ укрѣпляшеся» (1).
 Послѣ того соборъ, видя его непокорность, рѣшилъ лишитъ его діаконскаго сана и отлучитъ отъ Церкви. Наступило 15 мая, когда Ѳедоръ долженъ былъ подвергнуться лишенію сана вмѣстѣ съ протопопомъ Аввакумомъ, и онъ рѣшился испытать послѣднее усиліе остановить исполненіе соборнаго приговора. «Въ той часъ преже стрименія клятвы послалъ съ

(1) Доп. къ акт. вст. V. стр. 451 и 452.

Такимомъ увѣщательное писаніе къ дамоу Асетлѣю (царю Алексѣю) ⁽¹⁾ о многихъ сокровенныхъ тайнахъ церковныхъ и о новыхъ ересяхъ на двенадцятихъ столпцахъ писано его рукою и запечатано крестомъ Христовымъ, и на верху свитка того надписано бысть сиче: «сего писанія никому не распечатовати, ни прочести, кромѣ самага царя, ибо симъ писаніемъ хочу азъ судитися съ вами на страшномъ судѣ Христовѣ», но на это увѣщательное писаніе «отъ царя къ нему ни единого вопроса, ни отвѣта не бысть, ни благаго, ни злаго» ⁽²⁾. Тогда іерархи въ Успенскомъ соборѣ торжественно въ страхъ другимъ подобнымъ «сана діаконскаго отчюждиша, изъ церкви изгнаша и отъ всѣхъ вѣрныхъ отлучиша, и богомерзкая его хуленія прокляша, глаголюще ему: анаѣзма, ана-

(1) Въ нашей рукописи почти постоянно такъ пишется имя царя Алексѣя Михайловича, сына его Феодора, а также и нѣкоторыхъ расколуучителей (Никиты, Аввакума и самага Феодора). Извѣстно, что раскольники для скрытія смысла доселѣ пишутъ на этомъ такъ называемомъ *тарабарскомъ* языкѣ собственныя имена, а иногда и цѣлыя письма. На этомъ языкѣ, съ сохраненіемъ гласныхъ, согласныя буквы замѣняются одна другою слѣдующимъ образомъ:

б, в, г, д, ж, з, к, л, м, н.

щ, ш, ч, ц, х, ф, т, с, р, п.

(2) Собрн. соч. Феод. л. 99 об. и 100.

Ѳема, анаѲема» (1). «Царь же посла ихъ трехъ (Никиту и Аввакума съ Ѳеодоромъ) въ монастырь святаго Николы, иже на Угрѣщи, и тамо держа за стражею своею лютою въ разныхъ темницахъ» (2). Изъ Угрѣшскаго монастыря Ѳеодоръ, по примѣру Никиты, «присла покаянное писаніе къ освященному собору и получи милосердіе, возвратиша бо его оттуду и повелѣша ему пребыти пѣкое время, совершеннаго ради покаянія и исправленія въ монастырь Покровскомъ, иже на дому убогихъ» (3). Изъ Покровскаго монастыря, гдѣ онъ опять сталъ измѣнять православію, «Ѳеодора предаша тому же Павлу архіерею, да увѣщаетъ его. И онъ въ то время жплъ у него два мѣсяца во дворѣ со старцы его въ особнои горницѣ и видѣлъ (будто) самъ, како бѣсы гоняху по вся вечера пѣвчихъ и подъяковъ пзъ подгѣтовъ, надъ нимиже онъ живяше самъ, и каменіемъ бросаху въ нихъ бѣсове и черти»,—поселившіеся въ дому Павла въ наказаніе за разстриженіе расколуучителей,—и митронолить послѣ напрасныхъ усилій совершенно исправитъ Ѳеодора, или, какъ говоритъ, Ѳеодоръ, «за стыдъ посла

(1) Доп. къ акт. ист. т. V. 452.

(2) Сборн. соч. Ѳед. л. 117 об.

(3) Доп. къ акт. ист. т. V. ст. 452.

его отъ себе, по цареву слову, паки въ Покровскій монастырь внѣ города» (1). Но Ѳеодоръ изъ монастыря «тай убѣжа, возьмъ жену его изъ дому и чада, обрѣтенъ же бывъ и вопрошенъ паки о покаяніи, возвратися яко пещь на облевотины своя и начатъ прежнія хулы отрыгати» (2). Въ ожиданіи окончательнаго рѣшенія восточныхъ патріарховъ, Ѳеодора послали въ заоченіе въ Троицкій Сергіевъ монастырь (3); а когда въ ноябрѣ 1667 года прибыли патріархи, то Ѳеодоръ вмѣстѣ съ другими расколоучителями снова взятъ былъ въ Москву и помѣщенъ на жительство «въ монастырь Богоявленскій, иже за ветошнымъ рядомъ» (4). Здѣсь Ѳеодоръ имѣлъ различныя состязанія о старомъ благочестіи съ митрополитомъ греческимъ Аѳанасіемъ иконійскимъ, который прибылъ въ Россію со вселенскими патріархами и проживалъ въ то время въ Богоявленскомъ монастырѣ (5); вѣроятно, и русскіе архіереи не

(1) Сборн. соч. Ѳед. л. 118 и об.

(2) Доп. къ акт. ист. тамже.

(3) Объ этомъ говоритъ только Ѳеодоръ (Сборн. его соч. л. 1. и 121. об.), но такъ опредѣленно, что нельзя не вѣрить.

(4) Вии. росс. въ ст. о Ѳеодорѣ.

(5) См. сборникъ, начинающійся исторіею объ отцахъ и страдальцахъ соловецкихъ. л. 195.

переставали увѣщевать его къ покорности Церкви. Но всѣ увѣщанія были напрасны, такъ что греческіе патріархи вмѣстѣ съ соборомъ русскихъ іерарховъ должны были повторить клятву на Федора, съ его товарищами, произнесенную на соборѣ 1666 г., «дондеже пребудутъ въ упрямствѣ и непокореніи» (1).

Послѣ этого вторичнаго отлученія, когда уже не осталось никакой надежды исправить дерзкихъ и упорныхъ расколоучителей, Федоръ вмѣстѣ съ своими товарищами «градскому отданъ есть судищу, имъ же осудися хульнаго и клеветнаго языка лишитися отсѣченіемъ и въ дальнее заточитися изгнаніе, еже и событіемъ исполнися въ лѣто 7173 (1667)» (2). Этому наказанію Федоръ подвергся въ Москвѣ вмѣстѣ съ Лазаремъ и Епифаніемъ, и затѣмъ всѣ они, и съ Аввакумомъ, отправлены были въ Пустозерскій острогъ въ земляныя тюрьмы. Ожесточенные противъ пастырей расколоучители старались мстить имъ, какъ могли; писали на Москву къ раскольникамъ, будто «Христосъ Спаситель свѣтъ и праведный Судія не оставилъ ихъ, паки даде языки и слово имъ по прежнему». Писали расколоучители и въ другія

(1) и (2) Доп. къ акт. иет. т. V. стр. 452. 473.

мѣста Россіи объ этомъ ишмомъ чудѣ и о другихъ подобныхъ; возбудились толки и волненія въ Москвѣ и въ разныхъ концахъ Россіи. Пастыри доносили царю, что пустоезерскіе изгнанники «посланія писали на Донъ къ козакамъ и мѣръ весь восколебали тогда»; при этомъ передаетъ самъ Ѳедоръ что пастыри представляли царю: «развратники, государь, изгнанные и осужденные отъ насъ, ишутъ на Москву къ людямъ многимъ и хвастаютъ, послѣ казни будто имъ паки Христось далъ языки иныя, говорятъ по прежнѣму ясно... не статочно то дѣло, еже Христу дати имъ языки послѣ нашей клятвы, ни, государь, лгутъ, или мало имъ отрѣзано». Разгнѣванный государь «въ Пустоезерье посла полуголову Полтева вриказу Ивана Елагина, и повелѣ имъ паки языки вырѣзати до основанія послѣдняго и по руцѣ отсѣщи. Пригнавши скоро полуголову и сотвори имъ тако» (1). Тюремная жизнь Ѳедора въ Пустоезерскомъ острогѣ замѣчательна развѣ только ссорами съ товарищами, приставшими къ Аввакуму, когда онъ измыслилъ хульное ученіе о Троицѣ и воплощеніи, которое Ѳедоръ

(1) Сбор. соч. Ѳед. л. 101—105. ср. Виногр. росс. въ статьяхъ объ этихъ расколоучителяхъ и др. раск. соч.

имѣлъ благоразуміе отвергнуть; но онъ скорбѣлъ о заблужденіи уважаемаго имъ мужа и утѣшался только машиными своими видѣніями, или лучше бредомъ разстроеннаго воображенія (1). Впрочемъ во враждѣ къ православной Церкви они были согласны, не переставали хвалиться новымъ чудеснымъ исцѣленіемъ и еще лѣтъ десять возмущали легковѣрныхъ своими письмами изъ Пустозерья. Наконецъ не стало возможности терпѣть ихъ дерзости. 4-го апрѣля 1681 года Федоръ и трое его товарищей «за великія на царскій домъ хулы, сожжены были» (2).

(1) «Нѣкогда въ темницѣ сей, говоритъ Федоръ, возскорбѣхъ къ Богу зѣло и размышляя въ себѣ глаголахъ: «что сіе, Господи, будетъ мнѣ грѣшному, тамо у нихъ клятвы между себе на насъ и здѣ клятвы спорныя у насъ». И абіе внезапно ста полкъ великъ съ небеси... Се ликъ ангеловъ бысть» (Сборн. соч. Фед. л. 138 на об.). Болѣе подробныя отъ этомъ выписки изъ другихъ писемъ Федора въ Полномъ истор. извѣстіи Іоаннова. ч. 1. стр. 82.

(2) Записки Матвѣева изд. Сахаровымъ. стр. 38. Суевѣріе пустозерскихъ жителей сохраняетъ преданіе, что души сожженныхъ расколуучителей отлетѣли на небо въ видѣ голубей, но только въ числѣ трехъ. Они говорятъ, что не отлетѣла на небо душа Никифора; но онъ и не былъ въ числѣ сожженныхъ въ этотъ разъ. Вѣроятно, первоначальный смыслъ

Діакопъ Федоръ оставилъ послѣ себя нѣскольکو сочиненій, болѣе замѣчательныхъ, нежели сочиненія другихъ расколуучителей, его современниковъ. Мы сначала познакоимъ читателей кратко съ предметами этихъ сочиненій. Раскольники отпечатали три разсказа, самыя впрочемъ плохіе изъ всѣхъ сочиненій Федора, въ извѣстномъ сборникѣ, начинающемся «исторією объ отцѣхъ и страдальцѣхъ соловецкихъ», именно: 1) «повѣсть о святыхъ отцѣхъ нашихъ священнопротопопѣ Аввакумѣ и священноіерси Лазаріи и преподобнѣмъ Епифаніи»—разсказъ о допросѣ ихъ на великомъ соборѣ 1667 года, о разстриженіи Аввакума и Лазаря, объ отрѣзаніи языковъ у Лазаря и Епифанія и чудесномъ исцѣленіи (л. 186—188); 2) «мученіе нѣкоихъ старецъ Петра и Евдокима», которые допрашиваемы и судимы были въ 1669 самимъ царемъ, наговорили много хуленій на Церковь, за что ввержены были будтобы «въ желѣзный котелъ вельми разженный» и остались невредимы (л. 188—194); и 3) «преніе священнодіакона Федора съ митрополитомъ Аѳанасіемъ иконійскимъ о сложеніи

этого преданія былъ тотъ, что не отметѣла на небо душа Федора за несогласіе принять еретическое ученіе Аввакума съ братією.

перстѣ въ знаменіи крестномъ»,—преніе, продолжавшееся два вечера и кончившееся ничѣмъ (л. 195—205). Всѣ эти три разсказа несомнѣнно принадлежатъ Ѳеодору діакону; они не отличаются ни обиліемъ мыслей и свѣдѣній ни обработкой въ доказательствахъ, но богаты, подобно другимъ его сочиненіямъ, вымыслами воображенія и грамматическими неправильностями, нечуждыми и Ѳеодору, но принадлежащими болѣе редакціи (1). Кромѣ ихъ, мы имѣемъ подъ руками рукописный сборникъ сочиненій Ѳеодора, болѣе заслуживающихъ вниманія, нежели печатныя. Въ немъ помѣщены: 1) «посланіе Ѳеодора діакона къ Максиму нѣ-

(1) Что эти разсказы принадлежатъ Ѳеодору, это видно и изъ надписей, кромѣ втораго, и особенно изъ тождества мыслей и выраженій каждаго съ мыслями и выраженіями остальныхъ двухъ напечатанныхъ и другихъ рукописныхъ сочиненій Ѳеодора. А что грамматическія неправильности болѣе принадлежатъ редакціи и незаконной типографіи, торопившейся издавать такого рода сочиненія, видно на каждой почти страницѣ, на пр. «тѣхъ той (ков) давно отпали» (л. 202 об.); «митрополитъ взялъ новую книгу Скрыжаль, а старыя моя (тоя) не нашель, что прежде общался діакону» (л. 200). Напечатаны разсказы эти разъ въ Супраслѣ 1788 и другой разъ неизвѣстно гдѣ и когда, но вѣроятно, судя по шрифту, въ клинцовской типографіи.

кoмy другy cвoемy» (л. 1—67), выражающее особенно догматическую сторону раскола. Здѣсь Ѳеодоръ доказываетъ законность чтенія въ символѣ вѣры «и въ Духа Святаго Господа истиннаго и животворящаго», двуперстнаго крестнаго знаменія, сугубой аллилуйи и близость пришествія антихриста и копчины вѣка. Но гораздо важнѣе этихъ пунктовъ въ посланіи отступленія отъ доказываемой мысли, въ которыхъ Ѳеодоръ бросаетъ взгляды на Церковь русскую и греческую и на ихъ церковныя книги. 2) «О соборѣ 1666 года» (л. 68—110),—сочиненіе замѣчательное взглядомъ на дѣйствія этого собора, на лица, современныя Ѳеодору и на событія, сочиненіе полезное для исторіи раскола своей правдой и ложью, полезное и для раскрытія раскольническаго вѣроученія, особенно объ отношеніи раскольниковъ къ Церкви. 3) «О Спиридонѣ Потемкинѣ» (л. 111—144), гдѣ Ѳеодоръ, послѣ краткаго извѣстія о Спиридонѣ, пространно и со всевозможными вымыслами рассказываетъ о соборѣ 1667 года, о себѣ съ товарищами и о пастыряхъ собора—русскихъ и греческихъ. 4) «Посланіе отъ заточенія страдальца священнодіакона Ѳеодора о нуждахъ палящихся ко спасенію нашему» (л. 145—171),—ответное Ивану Плещееву о священникахъ стараго и новаго рукоположенія и вообще о пастыряхъ православной Церкви,

гдѣ съ фанатизмомъ развиваются отношенія раскольниковъ къ Церкви. Наконецъ 5) «посланіе свщщеннострадальца діакона Феодора отвѣтное по вопрошенію къ другу пѣкоему о познаніи антихристовой прелести: почему познаватися имать, и что суть злоба его въ трехъ духахъ и въ косей нестротѣ видимы прелести его» (л. 172—188),—посланіе особенно опасное для простодушныхъ тѣмъ, что въ соединеніи новыхъ обычаевъ со старыми онъ видитъ намѣренную антихристову прелесть, понятную только для избранныхъ, каковъ напр. онъ Федоръ, которымъ другіе должны вѣрить на слово. Всѣ эти сочиненія, помѣщенные въ нашемъ сборникѣ, писаны изъ Пустозерскаго острога и несомнѣнно принадлежатъ Федору: то и другое видно и изъ надписаній, и изъ прямыхъ указаній, и изъ обстоятельствъ жизни Федора, здѣсь помѣщенныхъ. Кромѣ этихъ сочиненій, извѣстны еще: 1) два письма о заблужденіяхъ Аввакума и Лазаря, выдержки изъ которыхъ напечатаны въ «Полномъ историческомъ извѣстіи о раскольникахъ протоіерея Андрея Іоаннова» (изд. 1795 г. стр. 82—85. ч. 1); 2) «посланіе православнымъ христіанамъ, 1665 г., и 3) посланіе къ Аввакуму, неизвѣстно когда и куда написанное (1). Этихъ послѣд-

(1) Обзоръ русск. дух. литтер. пр. Филарета. стр. 241.

нихъ посланій мы не имѣемъ подъ руками. Впрочемъ достаточно и тѣхъ сочиненій, какія есть у насъ, для того, чтобы опредѣлить и характеръ Федора и его ученіе.

Діаконъ Федоръ былъ раскольникъ по преимуществу, болѣе, нежели другіе расколоучители, его современники. Въ его личности интересно слѣдить за вліяніемъ раскола на воспримчивыя души: на немъ особенно можно видѣть, какъ расколъ способенъ испортить человѣка съ задатками добрыхъ качествъ, затмить умъ, ожесточить характеръ, развратить сердце и довести до фанатической смерти. Федоръ не похожъ былъ на другихъ расколоучителей излишкомъ гордости; въ его сочиненіяхъ нерѣдко встрѣчается нѣчто похожее на смиреніе, откровенное сознаніе своего ничтожества, великодушное подчиненіе современнымъ авторитетамъ раскола. Такъ напр. въ «посланіи о познаніи антихристовой прелести», онъ пишетъ нѣкому своему другу: «вопросилъ мя еси, возлюбленне, о пышней новоявльшейся прелести... Азъ грѣшный воспященъ многими въ себѣ помышленіи, въ велицѣмъ педоумѣніи бывъ о семъ, понеже вопрошеніе постиже мя выше силы моея; а наипаче удивительнѣ реку, како бо невещественная душа у вещьлюбива человѣка благоразумію навькнути хочеть и мудрозрительное око имѣй у помраченнаго

тмою злострастія свѣтъ видѣти жаелаеъ, и весьма несвѣдущаго ничтоже благоразуміе вопрошаеъ. И не могахъ отложить любовь твою, понуждаемъ есмь желаніемъ твоимъ, презря всякое свое недостоинство и противленіе, дерзнухъ ти мало нѣчто воспомянути о подлежащей винѣ, возлагая все свое недостаточество на пребогатія щедроты Зиждителя моего... Да не позазри, молю, скудоумію моему и нѣмованію, да исправши благоразсудствомъ своимъ» (1). Такъ, сознавая уже себя расколоучителемъ въ отвѣтномъ посланіи къ Ивану Плещееву, онъ находитъ пужнымъ «молить отца своего святителя Христова Аввакума протопопа и прочихъ съ нимъ святыхъ отецъ страдальцевъ, подвижающихся до смерти за церковь Христову, вкупѣ о укрѣпленіи святыхъ догматовъ и приписаніи рукъ къ нимъ на подтвержденіе гонимой церкви отъ антихристова воинства». И дѣйствительно. «у подлинной епистолин по край ся и рука приложена преосвященнаго Аввакума протопопа», который благоволилъ написать своею власною рукою: «сіе Аввакумъ протопопъ чель, и сіе разумѣлъ истинно, кому и руку приложилъ» (2).

(1) Сборн. соч. Федора. л. 172 и 173.

(2) Тамже л. 146 и об. 171.

Такъ съ особеннымъ почтеніемъ онъ отзывается о Спиридонѣ Потемкинѣ, со всеѣмъ уваженіемъ относится къ другимъ расколоучителямъ. Но вотъ въ расколѣ и этотъ, повидному пегордый челоѣкъ, и онъ хотя признаетъ себя «исключимымъ рабомъ великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа», но даетъ себѣ право преподавать «всеѣмъ вѣрнымъ братьямъ благодать и миръ отъ начальника вѣры и совершителя Іисуса»; и онъ, вмѣстѣ съ смиреннымъ сознаніемъ своего невѣжества, не страшится заключать свои посланія такимъ образомъ: «аще кто не вѣритъ моимъ словесемъ,—и отрѣченіе ему! растешеть бо его Христосъ полма, и часть его съ невѣрными положить» (1). И этотъ незначительный діаконъ, въ порывахъ своего ложнаго благочестія и мнимаго православія, отзывается о всеѣхъ пастыряхъ Церкви—патріархахъ восточныхъ и нашихъ, митрополитахъ и епископахъ и о всеѣмъ клирѣ такъ дерзко и веночительно, что не уступаетъ въ своихъ ругательствахъ ниодному современному расколоучителю, если не превосходитъ всеѣхъ ихъ. «Злые архіереи, наир. говоритъ онъ, поставляются славы ради и чести и богатства міра сего и гордостію наду-

(1) Сборн. соч. Фед. л. 145 и об. 170.

ваются и святительскою властію величаются и преобразуются въ апостолы Христовы. И то не дивно есть, братіе. И самъ бо сатана преобразуется въ ангела свѣтла, емуже они послѣдуютъ дѣлеса своими злыми; и сего ради попираемъ бѣсовскую ихъ клятву». «Иже учителя настоящаго вѣка сего,—пишетъ онъ вообще о пастыряхъ Церкви,—кои сатанины суть, ихъ же видѣ св. Іоаннъ богословъ: всѣ они отступницы и еретницы глуми, и поставленіи отъ нихъ по канонѣ суду подлежатъ и апаѡемъ; каковы сами преступницы отеческихъ преданій и заповѣтъ, таковыхъ и во причтѣ поставляютъ пенескусныхъ писанію простяковъ, воровъ и піяницъ, и гнусное житіе отъ юности проходящихъ» (1). Особенно ругательства его направлены противъ Никона, Павла крутицкаго, Иларіона рязанскаго, патріарха Іоакима и наконецъ даже противъ царя Алексѣя Михайловича,—вообще противъ лицъ, которыя имѣли какое либо вліяніе на его судьбу; Федоръ, еще болѣе, чѣмъ другіе, представляетъ на видъ свою личную ненависть къ современнымъ пастырямъ, клевететь, выражается такимъ площаднымъ языкомъ, что перо отказывается повторять ихъ.

(1) Сборн. соч. Фед. л. 143—4. 151. 154. 156 на об. п 157.

Федоръ получилъ обыкновенное, по тому времени, образованіе, ограничивавшееся изученіемъ книгъ церковныхъ и отеческихъ. Отвергая «книги еллинскихъ безбожныхъ, поганыхъ философовъ, которые въ болваны вѣруютъ и о тщетной мудрости упражнялися, а спасенія себѣ не искали», онъ «читалъ книгъ десятковъ шесть», которыя называли тогда богодухновенными. Хотя языкъ его сочиненій не безъ грамматическихъ неправильностей, но должно признать, что онъ и «грамматку разумѣлъ отчасти» (1). Когда началось раскольническое движеніе, Федоръ напрягалъ все усилія обличить мнимыя новшества по старымъ книгамъ: «азъ грѣшный діаконъ зѣло трудихся о семъ, искахъ и прочитахъ многія древнія харатейныя книги, и гонихъ Никона по слѣду, яко песь волка и лиса лукаваго, и вездѣ обрѣтахъ его лукавнующа въ завѣтѣ Господни и святыхъ предѣлы преступивша и соглавша, во всѣхъ бо книгахъ древнихъ символъ вѣры по старому стоитъ, и есть въ старопечатныхъ книгахъ московскихъ... и во всѣхъ книгахъ рукописныхъ, ихъ же видѣхъ, и въ печатныхъ всѣхъ... въ кіевскихъ и сербскихъ и болгар-

(1) Сборн. начин. истор. объ отц. и стр. солов. л. 198 и 199.

скихъ, и во острожскихъ и виленскихъ и во иныхъ многихъ. Вся самъ видѣхъ и прочитахъ и Богъ свидѣтель, яко не лгу» (1). Обращеніе его съ греческими пастырями и съ учеными западныхъ братствъ, а можетъ быть, и ученіе дало ему возможность щеголять толкованіями нетрудныхъ впрочемъ словъ греческихъ и латинскихъ—*κύριον ἀληθινόν, δόξα σοι, ὁ Θεός, gloria tibi, Deus* (2). Федоръ и отъ природы былъ неглупъ; это вездѣ можно замѣтить по приемамъ его полемики. Онъ не довольствуется голословными положеніями, какъ другіе современные ему расколоучители, что такое-то ученіе—ересь, такое-то—хула,—онъ всегда приводитъ доказательства и объясненія, почему такое-то ученіе—ересь или хула. Онъ не ограничивается выписками изъ той или другой старой книги, но всегда почти дополняетъ ихъ умственными соображеніями. Напр., на укоризну православныхъ, что въ двуперстномъ знаменіи исповѣдуются два сына—одинъ въ трехъ перстахъ и другой въ двухъ, Федоръ отвѣчаетъ сравненіемъ своего перстосложенія съ архіерейскимъ осѣненіемъ дикиріемъ и трикиріемъ и находить, что какъ въ томъ, такъ и другомъ исповѣдуются два таинства: святыя Троицы и двухъ

(1) и (2) Сборн. соч. Фед. л. 9 и об. 12. 43. и др.

естествъ во Христѣ, по не два сына, и притомъ въ перстосложеніи исповѣдуются *крѣпчайше*, потому что въ одной рукѣ, а не въ двухъ изображаются оба таинства. Затѣмъ присовокупляетъ: «аще по чипу перстовъ и свѣщъ своихъ разсуждаете о сложеніи крестнаго знаменія: то убо не два сына, по три будутъ; аще по составамъ начнете толковати: то убо и во единой щепоткѣ, Троицѣ свягѣй Божѣ нашемъ, не девять, по три составы точію. Все святіи тако. И по всему разуму подобаетъ вамъ еще не тремя персты, но единымъ точію три-составнымъ перстомъ креститися, по просту рещи кукишкомъ, по опому старцу, на негоже указываете въ жезлѣ своемъ богомерзкомъ, иже начерта крестъ перстомъ своимъ надъ собою и змія прогна» (1)... Онъ старается находить противорѣчія въ самыхъ исправленіяхъ, сдѣланныхъ православными пастырями; такъ напр. разсуждая объ аллилуіи, онъ обращается съ такими словами къ Никону: «ты въ новыхъ служебникахъ по херувимской пѣсни оставилъ еси пѣти аллилуіа по трижды, а «слава тебѣ Боже» четвертаго тамо не поставилъ еси приглашати...; также и во весь великій и святой постъ по псалмѣхъ, егда поется аллилуіа по

(1) Сборн. соч. Фад. л. 33 об. 34:

трижды «почто и тамо «слава тебѣ Боже» не припѣваеши и на Троицу покрывки не налагаеши?.. Лучше бы тебѣ паршивому настуху почивати на отеческихъ уставѣхъ» (1)! Тогда какъ другіе расколоучители, напр. Никита, Лазарь и самъ Аввакумъ, занимаются отыскиваніемъ въ новыхъ книгахъ различныхъ ересей и стараются находить ихъ какъ можно болѣе, Феодоръ діаконъ, принимая за данное, что есть въ новыхъ книгахъ ереси, не занимается мелочами, подробно рассуждаетъ, и то по особымъ причинамъ, только о трехъ главѣйшихъ пунктахъ раскольническаго вѣроученія—о словѣ *истиннаго*, о двуперстномъ крестномъ знаменіи, о сугубой аллилуіи, и еще о нѣкоторыхъ другихъ мнимыхъ новшествахъ упоминаетъ вскользь и мимоходомъ. Его вниманіе обращено на то, что слѣдуетъ изъ этихъ новшествъ, на мысль ихъ и на послѣдствія, разумѣется, по его понятіямъ. Такъ, рассуждая объ аллилуіи, онъ дѣлаетъ слѣдующее обращеніе къ Никону: «ты гордоусецъ ко пресвятой пѣсни ангельской аллилуіа приложилъ еси четвертую славу, явился еси міру тщеславіемъ своимъ мудрѣйши всѣхъ святыхъ отецъ греческихъ и словенскихъ, и за ту гордыню свою безумную яко

(1) Сборн. соч. Фед. л. 40 и 41.

сатана проклять еси отъ Бога и отъ всѣхъ святыхъ его и съ послѣдующими плотскому твоему мудрованію». «Никоніане, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, новыя отступницы, иже насъ за старыя книги и за законы святыхъ отецъ проклинають, не насъ проклинають, но святыхъ Божіихъ угодниковъ проклинають, учителей нашихъ и наставниковъ нашихъ, имъ же повелѣ намъ апостолъ повиноватися и покарятися, и на скончаніе жительства ихъ взирати и подражати вѣрѣ ихъ. Аще ихъ проклинають съ нами, то убо святыхъ апостолъ и самого Христа проклинають, якоже жидове». Говоря о мнимыхъ новшествахъ и большею частію въ общихъ выраженіяхъ, онъ обыкновенно выводитъ—или правило о несообщеніи съ такими еретиками, или доказательство объ уклоненіи нововводителей въ латинство, или мысль о скоромъ пришествіи антихриста. Даже когда рассказываетъ какое нибудь событіе, Ѳеодоръ во всемъ ходѣ событія, во всѣхъ подробностяхъ его, старается находить мысль и значеніе, и часто оканчиваетъ слѣдствіемъ, которое вытекаетъ изъ этого событія. Напр. передавая вымышленныя несчастія съ мними отступниками, онъ заключаетъ: «казнилъ ихъ самъ Христосъ свыше разными наказаніями на объявленіе нечестія ихъ и отступле-

нія» (1); розказываю, какъ по разстриженіи Аввакума и Федора «у Павла архіерея предателя попущеніемъ Божіимъ вселишася бѣси мнози въ дому его, паче же въ души его», какъ «прінде стрый Федора попуъ Иванъ бѣдной къ Павлу тому на дворъ ко всеоночной заутрени... и тамо заведоша его бѣсове въ заходъ мотыльной, и снемши съ него подпояску, удавиша его»,—изъ этого вымышленнаго разсказа, украшеннаго нелѣпыми подробностями, Федоръ выводитъ наставленіе: «сега ради, да разумѣють вѣрніи и да несообщаются со отступниками, и да не ходять къ заутренямъ ихъ и ко всякимъ службамъ, развращенно поемымъ, и да не молятся съ ними» (2). Кромѣ того, діаконъ Федоръ не довольствуется простымъ разсказомъ, но всегда подтверждаетъ чѣмъ нибудь дѣйствительность событія: или онъ, или другой кто имѣлъ видѣніе и откровеніе о предметѣ разсказа, или слышалъ отъ очевидцевъ, или видѣлъ самъ и пр. Изъ всего этого видно, что діаконъ Федоръ соображалъ, что и какъ говорить.

Несчастное убѣжденіе, что въ Церкви воцарился антихристъ, убѣжденіе, которымъ

(1) Сборн. соч. Фед. л. 40. 87. 131. 134. 136. 163. 167. 180 и др.

(2) Сборн. соч. Фед. л. 118—121 об.

жилъ и дышалъ Фодоръ, которое онъ проводитъ во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ, рѣшительно отнимаетъ у него великое здоровое разсужденіе. Сколько ни убѣждали его и отдѣльные лица и соборы, сколько ни доказывали необходимость и правоту исправленій церковныхъ, онъ ничему не внималъ, ничего не хотѣлъ слышать. Онъ самъ даже нерѣдко видѣлъ правду на сторонѣ Церкви, но воображеніе, однажды мистически настроенное, не даетъ ему покоя, правду Церкви представляетъ ему приманкой антихристовой. «Нечестіе его (антихриста) удивительно, говоритъ онъ, за нестротное его и за лживое злохитрство, яко сплете нечестіе съ благочестіемъ, клятву же съ благословеніемъ, мучительство со щедротами, благословенное древо съ проклятымъ—трисоставный (крестъ) съ двучастнымъ, церкви съ костеломъ, напежники со священники, западные съ восточными, ляхи съ уподьяконы, покаяки съ причетники, мощи святыхъ съ еретическими трупами, иконы святыхъ съ богомерзскими образы, и скращеннѣ рещи кажда бо святыня близъ себѣ нечестивая имѣеть и скверненіе» (1). Въ слѣдствіе этого несчастнаго убѣжденія Фодоръ, естественно, на все въ православной Церкви

(1) Сборн. соч. Фод. л. 180 и 181.

смотритъ подозрительно; нѣтъ пелѣности, которой бы онъ не рѣшился защищать безъ размышленія, хотя бы это стоило страданій; онъ говоритъ: «намъ всѣмъ православнымъ христіанамъ подобаетъ умрети за едины азъ (а), егоже окаянный врагъ выбросилъ изъ символа тамо, идѣже глаголется о сынѣ Божіи Ісусѣ Христѣ «рожденна, а не сотворенна»; велика зѣло сила въ семь азъ сокровенна...; и за сію едину нзмѣну прокляти они отъ всѣхъ святыхъ отецъ» (1). Забравши что нибудь въ голову и встрѣчая противорѣчіе своимъ убѣжденіямъ въ старыхъ книгахъ, онъ даже отказывается отъ любимыхъ имъ разсужденій и успокоивается подобными замѣчаніями: «въ рукописанныхъ книгахъ непечатныхъ разиство въ символѣ о исповѣданіи Св. Духа. Сіе идѣже писано: и въ Духа Святаго Госнода животворящаго, тамо истиннаго нѣсть, а идѣже писано: и въ Духа Святаго истиннаго и животворящаго, тамо Госнода нѣсть. И отъ чего тако учинися въ книгахъ, никтоже вѣсть утаенную премудрость сію» (2).

Услужливое воображеніе, которымъ Федоръ щедро одаренъ былъ отъ природы, помогло ему довести лживое направле-

(1) Сборн. соч. Фед. л. 63 об.

(2) Тамже л. 10 и об.

ніе своихъ мыслей до такихъ чудовищныхъ размѣровъ, которыхъ должны стыдиться сами раскольники. Разсуждаетъ ли о чемъ, рассказываетъ ли что нибудь, Ѳедоръ непремѣнно искажаетъ, лжетъ, но съ такимъ увлеченіемъ, что, безъ сомнѣнія, его рассказы могли весьма сильно дѣйствовать на простодушныхъ современниковъ. Нерѣдко впрочемъ и самъ онъ даетъ замѣтить, что лжетъ. Напримѣръ: «иніи врази Христовы, говоритъ онъ, други же и поборники-антихристовы, и въ книгахъ явно предлагаютъ, грѣшна безгрѣшнаго сына Божія нарицающе, сице: «якоже бо Христосъ за своя согрѣшенія распятъ бысть, такоже и мы за своя согрѣшенія распинаемся», а въ старыхъ святыхъ книгахъ истинно стоитъ та рѣчь: «якоже бо владыка Христосъ за наше согрѣшеніе распятся, тако и мы за своя согрѣшенія распинаемся со страстьми». Въ коей же книгѣ тако есть, да умолчимъ здѣ до времени и пождемъ праведнаго Судіи» (1). Ѳедоръ до того увлекся враждой къ Церкви, что не видитъ уже, какія пелѣныя выраженія приписалъ книгамъ, но чувствуетъ еще, что его тотчасъ могли обличить простымъ вопросомъ: «въ какой книгѣ старой и новой есть такіа выраже-

(1) Сборн. соч. Ѳед. 160 об.

нія»? Другой примѣръ: «въ греческихъ книгахъ старыхъ и аллилуіа по старому стоитъ и доднесь дважды, а въ третіе—докса си о Θεос, порусски слава тебѣ Боже. И во Іеросалимѣ у гроба Господня доднесь аллилуіа еще поютъ патріархъ и прочіи вѣршіи съ нимъ: аллилуіа, аллилуіа, докса си о Θεоеъ. Азъ бо извѣстно о семъ вѣдаю и самага канархита гроба Господня, именемъ Павла, видѣхъ на Москвѣ бывша въ 174 году (1666) и съ нимъ много бесѣдовалъ о всемъ. Онъ же сказа ми: патріархъ—де іеросалимскій по старому слагаетъ персты» (1)... и пр. Какого доказательства еще требовать по видимому, когда самъ канархитъ гроба Господня такъ говорилъ Федору? Но Федоръ, составившій разговоръ съ канархитомъ въ своемъ воображеніи, опустилъ изъ вниманія, что другіе знаютъ, какъ Арсеній Сухановъ рассказалъ въ Проскинитаріи о повсеместномъ употребленіи у грековъ треперетнаго знаменія и троекратной аллилуіи, какъ утверждали тоже восточные патріархи на соборѣ 1667 года, и пр. Такъ и часто, защищая какое нибудь мнѣніе, онъ утверждаетъ, что самъ видѣлъ какую нибудь небывалую книгу, самъ слышалъ отъ какого нибудь лица, которое не могло говорить

(1) Сборн. соч. Фед. л. 29 и об.

ничего подобнаго. Особенно трудно вѣрнть Ѳедору, когда онъ рассказываетъ о какомъ либо современномъ ему лицѣ или событіи. Въ примѣръ того, до какой степени онъ способенъ перемѣшивать ложь съ правдой, вообще исказать дѣло, приведемъ его рассказъ о патріархѣ Іоакимѣ. Объ этомъ іерархѣ извѣстно, что онъ былъ изъ рода дворянъ Савеловыхъ, получилъ образованіе въ Кіевѣ, служилъ въ походахъ въ Малороссію, по любви къ иноческимъ подвигамъ постригся въ монашество въ кіевскомъ Межигорскомъ монастырѣ, съ обѣщаніемъ нигуда не выходить изъ этой обители, но долженъ былъ повиноваться Никопу, который въ 1657 году вызвалъ его въ Москву и сдѣлалъ келаремъ Чудова монастыря, а мѣстоблюстителемъ патріаршаго престола Питиримъ въ 1664 году произвелъ его въ архимандрита тогоже монастыря; свою ученость и умъ Іоакимъ доказалъ многими сочиненіями, особенно книгою «Цвѣтъ духовный». Но вотъ что рассказываетъ объ этомъ достойномъ святителѣ діаконъ Ѳедоръ: «былъ онъ холопъ царевъ, служивый ростовскихъ мелкихъ дворянъ Савельевыхъ родомъ, и бывшу ему на службѣ подъ Кіевомъ, и жена же его безъ него начать любодѣйствовать... онъ же не хотя служить царю своему и стыда ради того отъиде въ Печерекій монастырь и пострижеся.

Занеже вѣдая, яко на Москвѣ и во иныхъ знакомыхъ мѣстѣхъ не постригаютъ здоровыхъ служивыхъ людей по царской заповѣди, сего ради тамо пострижеса. И поживъ мало, и преступи обѣщаніе, бѣжа къ Москвѣ.... О семъ сказа намъ сотникъ Андрей Кипріяновъ, на караулѣ стоялъ у насъ и на службѣ бывалъ съ нимъ. И бояся сперва на Москвѣ жити, абы не растригли и не послали на службу, нырнулъ въ Николу въ новый его бѣсовскій іеросалимъ. И тутъ пачатъ учигися грамотѣ, и напиися ту фарисейскаго квасу, а до того не зналъ онъ писанія, развѣ азбукѣ, ни церкви, ни чина церковнаго, и не разумѣлъ догматъ святыхъ отецъ нашихъ древнихъ, и вынѣ не знаетъ, занеже не того ищетъ, и книгъ святыхъ не читатель. Понеже человѣкъ былъ служивой и жилъ въ глухой деревнѣ, и зайцевъ ловилъ, а у церкви въ рѣдкой великой день бывалъ.... Михаилъ Ртищевъ (отецъ Федора Ртищева) царю похвалилъ его. И самъ онъ Акимъ всегда являшеса предъ царемъ во всякихъ ходахъ и походахъ и валяся предъ погами его. Царь же разумѣ его угодна быти себѣ и приказа его испытати опому Михаилу Ртищеву, которыя онъ держится вѣры, старыя или новыя. Михаилъ же исповѣда его тако у себе во всемъ. Акимъ же сказа ему: азъ-де, государь, не знаю ни старыя вѣры, ни

новья, но яже что велятъ начальницы, то и готовъ творити, и слушати ихъ во всемъ. И Михаилъ сказа се царю и по семъ постави его въ Чудовъ монастырь архимандритомъ на Павлово мѣсто, пришелъ воръ на вора, а вси на Бога. Павла же поставили митрополитомъ пасти вѣтры» (1). Таковы и всѣ рассказы Федора, съ тою только разницею, что въ представленномъ нѣтъ ни видѣній, ни откровеній, ни бѣсовъ, рассказъ выходитъ довольно простой. Въ другихъ разсказахъ пылкое воображеніе его рисуетъ мрачныя картины изъ невидимаго, загробнаго міра, пугающія суевѣріе простодушныхъ послѣдователей раскола, рисуетъ и всякія грязныя картины. Вообще говоря, личность Федора представляетъ разительное свидѣтельство о томъ, какъ глубоко расколъ развращаетъ своихъ приверженцевъ, какъ онъ изъ человѣка отъ природы довольно неглупаго и хотя полуобразованнаго, можетъ сдѣлать жаркаго поборника невѣжества и суевѣрій, съ притязаніями на учительское достоинство, довольно искуснаго для простолюдиновъ лжеца и неукротимаго фанатика.

(окончаніе въ слѣдующей книжкѣ)

(1) Сбор. соч. Фед. л. 105 на об.—108.